

Пятница.

Утро было посвящено генеральной репетиции, а после обеда состоялось торжественное подведение итогов военной подготовки первокурсников.

— Подтянуться! Не лениться! Покажите, на что вы способны!

— Соберитесь! Это последний день! Не позорьте меня!

— Эй, вы там, хватит путать руки и ноги!

Инструкторы вовсю подбадривали свои отряды, и ученики не оставались в долгу, громко отзываясь на призывы:

— Есть!

Хотя за эту неделю ребята успели натерпеться: их наказывали отжиманиями, заставляли до изнеможения отрабатывать строевой шаг и выслушивать нотации главного инструктора, но было и другое — радостный смех, аплодисменты товарищам и азартные соревнования между отрядами. Военная подготовка для школьников — лишь короткий эпизод, но для инструкторов из отряда вооруженной полиции — это будни. Даже под палящим солнцем или проливным дождем они всегда сохраняли дисциплину и порядок.

— Смирно!

Простая школьная форма, низкий хвост, серебристая оправа очков слегка поблескивает на солнце.

Следом за ней выступал Хэ Цзиньсун из одиннадцатого класса, бессменный лидер по успеваемости среди всех естественно-научных профилей. Отличник, красавец, звезда всей школы.

Звуки марша Народно-освободительной армии гремели над плацем. Выступление прошло гладко: все держались молодцом, с гордо поднятыми головами, чеканя шаг в едином ритме.

— Ничего страшного... вчера ушиблась.

— ...В заключение, добро пожаловать в Первую городскую школу. Ваши результаты на вступительных экзаменах — неоспоримое доказательство ваших стараний. Но я от всей души надеюсь, что это не финиш, а лишь точка отсчета для ваших мечтаний. Спасибо всем.

Глядя на восхищенные лица окружающих и на то, как эффектно выглядит Цин Сюй в роли лучшей ученицы, Янь Минъюй внезапно почувствовала себя ничтожной. Она такая обычная, как ей вообще набраться смелости признаться, что Цин Сюй — ее двоюродная сестра?

Да и не родная ведь, засмеют еще...

Цин Сюй стояла на трибуне, спокойно просматривая свои записи. Рядом с ней возвышался высокий парень; они стояли так близко, что казалось, будто они очень близки.

Она машет ей?

Не успела Янь Минъюй среагировать, как Чжоу Цзяи, озираясь по сторонам, воскликнула:

— Ой, она нам машет! Она здесь кого-то знает?

Церемония завершилась.

Некоторые ученики по привычке расслабили ноги, но тут же спохватились и вытянулись по струнке. Инструктор пятого отряда расплылся в довольной улыбке, подшучивая над коллегой:

— А твои-то куколочки очень послушные!

Она ушиблась еще вчера, а она, будучи соседкой по парте, даже не заметила. То ли она сама такая невнимательная, то ли Янь Минъюй слишком терпелива?

— Все в порядке, я уже помазала, через пару дней пройдет.

После речи Хэ Цзиньсуна выступил завуч, а затем инструкторы выстроились у флагштока, отдали честь, промаршировали строем, распевая громкие песни, и под грустные взгляды учеников покинули плац.

Инструктор Цзян стоял перед четвертым отрядом, давая последние наставления. Инструктор из соседнего отряда, посмеиваясь, подошел ближе и нарочито громко скомандовал:

— Вольно!

— ...Выражаем глубочайшее уважение отряду вооруженной полиции города Сичэн и хвалим наших учеников за стойкость под палящим солнцем... Список лучших отрядов: первый, четвертый, шестой... Еще раз искренне говорю всем: вы отлично потрудились!

Стоявший рядом ученик вздрогнул и торопливо отпрянул:

— Прости, прости! Что с тобой?

В отличие от четкой и рассудительной речи Цин Сюй, Хэ Цзиньсун говорил долго и витиевато: о том, как он учится, как снимает стресс на баскетбольной площадке и как добывается высоких баллов. Слушатели были в восторге, многим казалось, что они тоже могут стать лучшими в параллели.

Цин Сюй первой подошла к микрофону. Стройная, прямая, как струна.

— Какой же он крутой!

— Ладно... — Чжоу Цзяи смущенно спрятала руки. Подняв голову, она увидела, что та самая старшекласница стоит недалеко под навесом и смотрит прямо на них. Хотя расстояние было приличным и черты лица рассмотреть было трудно, от девушки веяло спокойствием и интеллигентностью.

— Кажется, это лучшая ученица гуманитарного профиля! Какая у нее статья!

Она смотрит на меня?

Нет, нет, здесь столько людей, как Цин Сюй может меня заметить?

— Сяо Янь, ты на что смотришь? Пойдем.

Военная подготовка подошла к концу.

Янь Минъюй отдернула руку: случайное прикосновение было ей неприятно.

— Ой, сильно болит? Может, сходим в медпункт? — Чжоу Цзяи склонила голову. Она только сейчас заметила огромный синяк на левом предплечье подруги.

Цикады, легкий ветерок, лето... Казалось, все слова, связанные с солнцем, подходили к этому моменту. Несмотря на жару, от чистого голоса Цин Сюй становилось прохладно. Стоять на сцене, уверенно смотреть в глаза тысячам учеников — это то, о чем мечтал каждый в свои школьные годы.

Под трибуной кто-то настраивал микрофон.

Услышав голос Чжоу Цзяи, Янь Минъюй пришла в себя и заметила, что толпа начала двигаться. Она поспешила следом, уже не глядя на трибуну.

Заместитель директора медленно поднялся на сцену и взял микрофон для заключительного слова.

Ученики выпрямились, отвечая на приветствие инструкторов, с которыми провели целую неделю.

Не знаю, почудилось ли ей, но Янь Минъюй показалось, что на мгновение их взгляды с Цин

Сюй встретились, и она даже увидела ту самую улыбку, с которой та гладила Цинъюнь вчера вечером.

По команде командира батальона инструкторы повели отряды на исходные позиции.

— Здравствуйте, я Цин Сюй из одиннадцатого «Б», для меня большая честь выступать перед вами...

Внизу раздались бурные аплодисменты.

— Вы кого слушаете! Я команду давал? — Инструктор Цзян, не обращая внимания на суету, крикнул на учеников. — Четвертый отряд, все внимание! Вольно! Смирно!

После того как отдали честь инструкторам и наградили лучшие отряды, замдиректора жестом пригласил выступающих:

— Ученики, вы поступили в Первую школу благодаря собственным силам. В средней школе вы были лучшими, но теперь, как первокурсники, вы все начинаете с одной точки. Нельзя расслабляться, сохраняйте концентрацию... А теперь приглашаю лучшую представительницу одиннадцатиклассников!

Янь Минъюй смотрела на Цин Сюй: солнце играло на ее фигуре, она была спокойна, каждое слово звучало четко и уверенно. Ветер шевелил пряди ее волос, и в этой естественной обстановке она казалась воплощением юности, приковывая к себе все взгляды.

Янь Минъюй проследила за направлением ее взгляда — Цин Сюй, кажется, тоже увидела ее и вдруг помахала рукой в их сторону.

Наверное, мне показалось...

Чжоу Цзяи от восторга схватила Янь Минъюй за руку и начала трясти. Янь Минъюй почувствовала резкую боль и инстинктивно прикрыла рану:

— Ссс...

Янь Минъюй стояла во втором ряду и легко видела сине-белый силуэт под навесом.

После окончания подготовки первоклассники, конечно, с радостью и легкостью отправились домой — рюкзаки на плечах, в классы возвращаться не нужно, домашних заданий нет. Те, кто был поактивнее, сразу помчались в компьютерные клубы, как, например, Чжан И и толстяк Ян. Более прилежные, как Чжоу Цзяи, поспешили домой, чтобы с наслаждением окунуться в

любимые комиксы или романы.

Но Янь Минъюй не относилась ни к тем, ни к другим.

Она сидела на трибунах стадиона, глядя, как ученики один за другим покидают школу. Уроков нет, рюкзак не нужен — учебники и принадлежности для рисования и так в квартире.

Цин Сюй все еще о чем-то беседовала с Хэ Цзиньсуном и завучем, вскоре к ним подошел и замдиректора, улыбаясь — видимо, давал наставления об успехах в учебе.

Когда учителя ушли, Цин Сюй попрощалась с Хэ Цзиньсуном и направилась напрямик к ней.

— Пойдем со мной, — она взяла Янь Минъюй за правую руку и потянула в сторону тенистой аллеи.

Янь Минъюй была ошарашена, но ноги сами собой последовали за девушкой.

— Сестренка, а у тебя разве нет уроков?

— Я уже вышла! К тому же сейчас самоподготовка, ничего страшного, если я вернусь чуть позже.

Янь Минъюй не ожидала, что та ответит так просто, словно речь шла о походе в столовую. Только что она выступала на трибуне как пример для подражания, а теперь прогуливает уроки — Цин Сюй оказалась совсем не такой, как она себе представляла.

— Куда мы?

— На месте узнаешь!

Цин Сюй улыбалась так ярко, словно лесной олененок — живая и радостная.

Она увлекла ее за собой, навстречу ветру.

Пройдя через аллею и поднявшись по каменным ступеням, они оказались у огромного платана.

Склон под деревом был засажен травой, а кустарники впереди надежно скрывали их от посторонних глаз.

Сентябрь — время, когда платаны начинают сбрасывать листву.

— Это мое секретное место.

Когда Цин Сюй говорила это, ее глаза светились. Она совсем не походила на старшеклассницу-отличницу, скорее на ребенка, который с гордостью показывает другу свой игрушечный домик.

— Когда мне плохо, я прихожу сюда посидеть одна.

Голубое небо, облака, травы и цветы, легкий ветерок на щеках и запах земли — здесь все дышало природой. У нее не всегда все шло гладко, бывали моменты сильного давления. Но тяжелая учеба не позволяла ей отправиться к морю, на пляж или в горы. Она должна быть взрослой, хорошо учиться, служить примером, чтобы мама не волновалась.

Поэтому она просто бродила по школе без всякой цели, ни о чем не думая, доверяя своим ногам. А когда приходила в себя, оказывалась под этим платаном.

Дерево стояло на самой вершине школьного участка, одинокое среди низкой травы. Но оно было таким мощным, с широкими зелеными листьями, отбрасывающими густую тень, в которой дрожали солнечные блики.

Цин Сюй находила его очень родным. В детстве под их домом рос такой же платан. Когда папа уходил на работу, мама брала ее на руки и провожала его под этим деревом, а его широкая ладонь, словно платановый лист, мягко ложилась ей на голову.

Но потом все изменилось.

— Сестренка?

Янь Минъюй заметила, что та замолчала, глядя на пожелтевший лист, и ее лицо из восторженного стало печальным.

Цин Сюй встрепенулась и выдавила слабую улыбку:

— Вспомнила кое-что из прошлого... Тебе здесь нравится?

— Здесь шумят деревья, веет ветерок... — пробормотала Янь Минъюй, подняла с земли лист, внимательно рассмотрела его и улыбнулась: — Идеальное место для зарисовок!

Ее улыбка была такой яркой, а глаза — такими лучистыми, что в них была магия, заставляющая забыть о печалях.

— Сюда почти никто не заходит, здесь никто не помешает, — добавила Цин Сюй.

Дул прохладный ветерок, в шелесте листвы пожелтевшие платановые листья медленно опускались на траву, образуя ковер. Сидя на траве, Янь Минъюй ловила ладонью солнечный

свет, который теплым потоком струился сквозь пальцы. Она смотрела на Цин Сюй, которая застыла, глядя на свои руки, и хотела спросить, зачем она привела ее сюда. Раз это секретное место, значит, она не хотела, чтобы другие о нем знали.

Так же, как и она сама: рисование — ее духовная опора, и она не любит, когда кто-то без спроса листает ее альбомы. Для нее доверить кому-то самое ценное — значит считать этого человека очень дорогим.

Прозвенел звонок на урок, эхо школьного радио донеслось сквозь листву.

Янь Миньюй не стала задавать вопрос, а вместо этого спросила:

— У тебя есть какие-то тревоги?

Даже у самых дисциплинированных и талантливых бывают неудачи. Что тревожит Цин Сюй?

— Жизнь, экзамены, семья... — Как прожить жизнь со смыслом. — Отставание, раздражительность, тревога, одиночество... — И невыразимая боль.

Цин Сюй взяла лист и начала рассматривать его прожилки на свету.

— В детстве я наивно думала, что, когда вырасту, проблем не будет. А на самом деле, чем старше становишься, тем больше кажется, что ты недостаточно хороша.

— Разве ты недостаточно хороша? — Янь Миньюй подперла подбородок рукой, глядя на профиль Цин Сюй, в глазах которой застыло замешательство.

— А я хороша?

Казалось, она спрашивала не Янь Миньюй, а саму себя.

Янь Миньюй понимала ее. Например, когда однокурсники в студии хвалили ее за «природный дар» и называли «великой художницей», она чувствовала не уверенность, а страх. Она боялась, что в следующий раз нарисует хуже, боялась не оправдать звание, боялась оказаться на дне и стать посмешищем. Она работала не покладая рук, боясь критики и презрения, но из-за этого рисование перестало приносить ей душевное исцеление.

Наверное, у Цин Сюй так же. Как этот платан: он видит пейзажи дальше всех и первым принимает на себя удары стихии, поэтому неизбежно чувствует себя одиноким по сравнению с травами и цветами внизу. Но внешняя холодность не означает пустоту внутри.

— Ты очень хороша. — По крайней мере, для меня.

Янь Минъюй смотрела прямо в темные глаза Цин Сюй, говоря это со всей серьезностью.

Цин Сюй на мгновение замерла, встретившись с ней взглядом, а затем уголки ее губ поползли вверх. Она протянула руку и убрала листок, запутавшийся в волосах Янь Минъюй.

— С чего ты взяла?

— Ты добрая, внимательная, ответственная, искренняя и умеешь слушать...

Цин Сюй молча слушала, как Янь Минъюй загибает пальцы, перечисляя ее достоинства, и находила ее попытки подобрать слова очень милыми.

— А если я не настолько хороша?

— Значит, это у меня розовые очки... Просто ты для меня лучшая.

Янь Минъюй впервые позволила себе подшутить над ней, не обращая внимания на то, как покраснели кончики ушей собеседницы.

Время летело быстро, прозвенел предупредительный звонок.

Ресницы Цин Сюй дрогнули, лист выскользнул из рук, и она потянула Янь Минъюй за собой, помогая подняться.

— Пойдем обратно.

— Хорошо. А ты не вернешься в класс?

— Я попросила Хэ Цзиньсуна отпросить меня, поеду сразу домой. Что хочешь на ужин?

— А что, можно все, что захочу?

— Конечно, ты ведь так устала на подготовке.

— Хм... хочу куриные крылышки в коле, говорят, это очень вкусно!

— Договорились, пойдем купим и приготовим.

— Ты самая лучшая!

<http://bllate.org/book/18854/1838544>